

Нина Шнирман
Счастливая
девочка растёт

Нина Шнирман
Счастливая
девочка растёт

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш 77

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Шнирман, Нина

Ш 77 Счастливая девочка растет : повесть-воспоминание / Нина ШНИРМАН. —
Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 320 с.

ISBN 978-5-17-077268-1 (ООО "Издательство АСТ")

Не так давно увидела свет первая книга воспоминаний московской писательницы Н. Шнирман "Счастливая девочка", читатели которой, закрыв последнюю страницу, не без сожаления, как сами признаются, расстались с ее героями. Рассказ велся от лица маленькой Нины, чье раннее детство пришлось на предвоенные и военные годы. "Счастливая девочка растет" — продолжение истории этой удивительной и далеко не рядовой семьи (отец, Г. Л. Шнирман, — выдающийся ученый, вся жизнь которого прошла под грифом "совершенно секретно", четырежды лауреат Государственной премии). Вряд ли эти книги стоит относить к чисто мемуарному жанру, хотя все в них основано на мемуарной достоверности и реальных фактах. Автор с максимумом подробностей воссоздает картины быта и повседневности и рисует еще один, очень и очень частный, портрет своей эпохи. Но не будем забывать, что голос маленькой Нинуши воссоздан блестящей рассказчицей — Ниной Георгиевной Шнирман, чей талант дарит нам ощущение подлинности и близости к миру большой семьи, описанному в этой книге.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-077268-1 (ООО "Издательство АСТ")

- © Н. Шнирман, 2013
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
 - © ООО "Издательство АСТ", 2013
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Око за око.....	9
Дворец	13
Папа приехал из Германии.....	18
Мальчик Алёша	26
Как смеётся зайчик.....	30
Опять лагерь.....	33
Костёр.....	43
Элочка помогла	47
Мэри	55
Влюблённые	63
Страшные сны	66
Конкурс.....	70
Я больше не Шнирман	77
Англичанка.....	79
Калугина	85
Шкаф и буфет.....	90
Мой день рождения	93
Перелом	96
“Евгений Онегин”	101
Помогите.....	106
Миса-Миса	112

Положа руку на сердце	115
Далеко	119
Кино	124
Чинар и прекрасная леди	127
Очень скромный платочек	133
Красный галстук	137
Как дома	141
Мы танцуем	147
Мои дети никогда...	151
Отец родной	155
Сюрприз	158
Новые пальто	164
“Мороз, Красный Нос”	168
Перед лицом своих товарищей	175
Кармен	179
Маленькие женщины	183
Попробовала	191
Иван-царевич	196
“Казачьи-разбойники”	198
Удивительный подарок	203
Провожая папу в Ленинград	208
Дядя Миша	213
В гостях у Михлиных	220
Свет и тень	225
Эрмитаж	229
Над городом	234
“Норд”	241
Море и “летающие человечки”	244
То, что будет!	252
“Вильом”, или Очень маленькая трещина	256
Но это я не сказала	264
Спящая красавица	268

“Киттель”	272
Учитель	275
Восемьсот лет.....	280
Уймитесь, волнения страсти!	290
Обманули дурака	293
Фотография с этажерки	297
“Москва 1937”	302
Новая квартира	307
Новая школа.....	311
Подсмотрела.....	317

Око за око

Воскресенье, мы обедаем — я так люблю, когда мы все вшестером за столом — Мамочка, Бабуся, Папа, Ёлка, Анночка и я. Сидим и разговариваем. А Мишенька — ему пять месяцев — спит в коляске в столовой, с нами, за буфетом между роялем и родительской кроватью — мы это место называем спальней

Война закончилась две недели назад, и у меня сейчас совсем другие мысли: завтра Папа уезжает в Германию *демонтировать* там какие-то заводы и ещё что-то. Он объяснил нам, что такое *демонтировать*. Я тогда спрашиваю: — А зачем у них всё это забирать? Почему?

Мамочка говорит, что раз они на нас напали, столько городов разбомбили, разрушили, столько заводов и фабрик уничтожили — значит, сейчас, после нашей победы, мы имеем право у них что-то отобрать — всё равно это не заменит “наших потерь”!

— Вот именно, не заменит! — говорит Ёлка и делает кривую голову.

Бабушка вдруг говорит громко и грозно:

— Око за око, зуб за зуб! — И как стукнет кулаком по столу.

Мы с Анночкой немножко испугались, потому что Бабушка так никогда не делает.

— Мама! — говорит наша Мама немножко строго. — Ты Мишеньку разбудишь и напугаешь!

— Да! Око за око и зуб за зуб! — повторяет Бабушка тихо, но грозно.

Мне так в груди стало неприятно и даже холодно. Я не понимаю: Бабушка такая добрая... Даже зуб, по-моему, у человека отнять нельзя, а уж глаз вынуть — просто ужас какой-то!

— Ну Бабушка, — говорю, — как же можно у человека глаз вынимать?!

— А ты что хочешь? — спрашивает меня Бабушка, и совсем недобро спрашивает. — Тебя по одной щеке ударят, а ты другую подставишь?

Ёлка хмурится и опускает голову — она всегда так думает.

Я рассердилась — не нравится мне этот разговор — и говорю:

— Не подставлю! Но я, Бабушка, око у человека вынимать не буду! И зуб не буду!

— А тебе, Мартышка, — Папа говорит неожиданно весело, — недавно зуб вынули и отобрали.

— Не отобрали! — сержусь я. — Мне его выдрали, потому что он молочный и качался. Мама меня послала в поликлинику — мне его щипцами... раз... положили на ладошку, и доктор сказал: “Маме отнеси!” Я отнесла!

— Нинуша! — смеётся Мамочка. — Это же всё в переносном смысле — всё, что Бабушка говорит, всё это не имеет прямого смысла.

Я знаю, что такое “в переносном смысле”, но всё равно у меня какая-то получилась картинка в голове, и она не уходит — это про “око за око”, — и мурашки по спине. Анка сидит и глазами моргает, Ёлка хмурится.

Бабушка вдруг встаёт с кресла, делает так сильно рукой по воздуху, как будто она хочет его замесить, и говорит опять тихо, но грозно:

— Терпеть я не могу всю эту *толстовщину!* — И уходит из комнаты.

— Это ваш Дедушка был *толстовцем!* — смеётся Мама.

— Но ведь Бабушка Дедушку любила, тогда почему?.. — удивляюсь я.

— Любила, — кивает головой Мамочка, смотрит в окно и говорит как будто никому: — Стоял у нас на рояле... нет, рояля тогда ещё не было... стоял у нас на пианино маленький бюст Толстого — вы знаете, что такое бюст? — Это она у меня и Анночки спрашивает.

— Ну Мама! — Я даже удивилась, ведь мы уже большие — мне восемь, Анночке шесть.

— Конечно знаете! — Она кивает головой и продолжает: — И вот стоял он, стоял и вдруг... раз — упал и разбился!

— Ой! — сказала Анночка.

— Кто-то пыль вытирал и случайно его столкнул, — говорю, — потому что пыль бывает очень неудобная — когда много всего стоит, а вытирать надо.

— Да-а, — улыбается Мама, — пыль надо вытирать, — смеётся и продолжает: — Папа мой, ваш Дедушка, купил новый бюстик, поставил на то же место... и через месяц он тоже разбился!

— Вот и понятно! — Я радуюсь, что догадалась. — Наверное, место у него было неудобное.

— Очень неудобное — три бюста разбилось! — Мама смеётся, смеётся, потом машет рукой, как будто сама себе машет, и говорит: — Все могут выйти из-за стола, а я пойду Мишеньку кормить. — И уходит за буфет.

Ёлка вдруг странно улыбается — она иногда улыбается совсем непонятной улыбкой.

Анночка встаёт и спрашивает меня:

— Мы будем в “эвакуацию” играть?

— Будем-будем! — говорю. — Иди, сейчас приду.

Она кивает головой и уходит в детскую.

Папа встаёт из-за стола и садится за свой письменный стол. Он вынимает из ящика какие-то “инструменты”, раскладывает их, поднимает голову и улыбается мне. Я очень люблю смотреть на Папины глаза — они такие добрые, красивые, и ещё кажется, что там, внутри, за ними есть какая-то удивительная жизнь.

— Пап, — спрашиваю, — ты в Германии долго будешь?

— Недолго, — говорит Папа, — не больше месяца.

Ну, думаю, ничего себе — недолго! Месяц — это очень долго! Это ужасно долго! А я очень люблю с Папой разговаривать!

Я улыбаюсь Папе и иду в детскую — будем с Анкой в “эвакуацию” играть. А Ёлка никуда не идёт и всё улыбается непонятной улыбкой. Из коридора вижу Бабушку на кухне — стоит неподвижно, наверное, задумалась.

И я вспоминаю: пыль-то я совсем неправильно вытираю! Столько красивых вещей — я их люблю, а ведь могу случайно и столкнуть! Надо сначала всё снять, пыль вытереть, потом всё на место поставить. Да!

Но это всё-таки лень!

Надо подумать!

Дворец

Мы с Бабушкой на трамвае приехали в Останкинский дворец, а он закрыт — входная дверь заперта! Рядом с дверью стоит маленькая худенькая пожилая женщина и говорит:

— Для посетителей и экскурсий дворец закрыт.

Я не понимаю, как дворец может быть закрыт — он должен быть всегда открыт, там ведь никто сейчас не живёт, а всем хочется посмотреть, по-моему, это какая-то глупость.

Ёлка ворчит:

— Я говорила, я говорила! — И отходит от двери.

Мы с Анкой идём за ней, я расстраиваюсь и сержусь, потому что очень не люблю, когда хочу что-то сделать, а мне мешают, и даже не просто мешают, а не дают это сделать.

— Давайте посмотрим его снаружи! — говорю, потому что я никогда не видела дворец — только на картинках.

Немножко отходим от него и разглядываем — мне кажется, что на картинках в книжках дворцы как-то... волшебнее и роскошнее, а это просто красивое здание. Оно очень красивое, но не очень-то *дворцовое*.

— Дети, идите сюда! — зовёт нас Бабушка. — Сейчас для вас откроют дворец! — И у неё очень торжественный голос.

Прибегаем к входу, маленькая женщина вынимает из кармана ключ, отпирает дверь, распахивает и говорит тоже торжественно:

— Проходите, пожалуйста!

Мы кричим:

— Спасибо! — И заходим внутрь.

Ой! Ой! Мы все просто остолбенели от восторга — там так красиво, такой простор, такая высота... а пол, он совершенно удивительно красивый!

— Какая прекрасная *зала!* — говорит Бабушка.

Мы с Ёлкой вздрагиваем, таращимся друг на друга, потом, не сговариваясь, хватаем Анку, бежим к стене, делаем вид, что разглядываем её, и хохочем.

— Почему *зала?!* — хохочу я и остановиться не могу.

— Да откуда я знаю? — хохочет Ёлка.

Анка вдруг перестаёт хохотать и говорит:

— Какой красивый дворец!

И мы начинаем ходить по залу и всё разглядывать — так всё красиво и необыкновенно, это действительно настоящий прекрасный дворец! Подходим к Бабушке с пожилой женщиной, Эллочка спрашивает:

— А для чего этот зал?

— Для приёмов, танцев и театральных представлений! — гордо говорит пожилая женщина.

— Для танцев, — повторяет Ёлка задумчиво... И вдруг отбегает от нас, выпрямляется, разводит руки в стороны, как будто собирается улететь, и начинает кружиться, но она не просто кружится — я чётко чувствую ритм, который в ней звучит, и вижу по движениям: она танцует *вальс*.

Мы недавно по книжке все втроём — Ёлка была главной — научились танцевать вальс. Мамочка посмотрела и доучила то, что мы делали плохо. А потом сказала:

— Девочки, в вальсе особенно важна прямая спина, радость внутри вас и чувство, что с каждым витком вы взлетаете всё выше и выше!

Я хватаю Анночку — когда мы с ней танцуем, я танцую за мужчину — и говорю:

— “На сопках Маньчжурии”!

И мы поём и танцуем вальс под собственное пение. И с каждым витком мне кажется, что мы становимся легче и легче и вот-вот взлетим.

Мы опять ходим и всё разглядываем, очень долго разглядываем удивительный пол. Вдруг Ёлка меня спрашивает:

— А ты бы могла здесь жить?

Какой странный вопрос! Я думаю, думаю и говорю:

— Могла бы!

— А я бы не могла, — говорит Ёлка, — здесь такое огромное пространство, такой высокий потолок, ужасно неудобно — я бы не смогла здесь жить!

— Огромное пространство — разве плохо? — удивляюсь я.

— А помните, — говорит Анночка, — Мама рассказывала, что у неё в детской была ширма с очень красивыми китайскими рисунками? — И она ведёт нас в правый угол зала. — Вот здесь, — говорит, — можно поставить две большие ширмы — и получится *наша* детская.

Ёлка хмыкает, пожимает плечами и спрашивает:

— А куда ты денешь этот высоченный потолок?

— Я никуда его не буду девать, пусть остаётся, — отвечает Анночка.

Я поражаюсь: какая она иногда бывает умная, ведь ей всего шесть лет! Мы-то с Ёлкой взрослые — мне восемь, Ёлке одиннадцать.

К нам подходят Бабушка с пожилой женщиной.

— А здесь ещё есть другие комнаты? — спрашивает Анночка у женщины.

— Да! — радуется женщина. — Здесь ещё много комнат: столовые, гостиные, спальни, но они пока все закрыты — даже я не могу их отпереть.

Я думаю: а где сейчас те люди, которые здесь жили, ели, спали?

— Дети, нам пора уходить! — говорит Бабушка. — Вам понравился дворец?

— Очень! — не сговариваясь, говорим мы хором пожилой женщине. — Большое спасибо!

Женщина улыбается и говорит:

— Для вас и ваших внучек дворец всегда открыт!

И мне кажется, что она уже не такая пожилая и не такая худенькая.

Мы едем домой на трамвае, я сижу с Ёлкой. Ёлка молчит-молчит, а потом вдруг говорит:

— Конечно, у нас маленькая квартира, но она очень-очень уютная!

— Что-о? — Я даже подскочила на сиденье. — У нас “маленькая квартира”?!

— А ты что считаешь? — Ёлка делает кривую голову и тонкие глаза. — Тридцать шесть квадратных метров жилой площади — это много? Ведь нас семь человек!

— Ничего не знаю про... квадратные метры, — говорю, — но у нас очень много замечательных и красивых вещей и везде можно пройти!

— А как ты пройдёшь в столовой к окну, если кто-то на рояле играет? — спрашивает Ёлка очень ехидно.

Я расстраиваюсь и сержусь — не знаю, что сказать, как ответить, потому что там действительно не пройти к окну, если кто-то играет на рояле.

— Ну ведь не обязательно к окну идти, если кто-то играет на рояле! — говорю.

— Нинуша! — Ёлка так бывает похожа на Маму, когда говорит “Нинуша”. — Мы называем эту комнату столовой, а там на самом деле на двадцати квадратных метрах три комнаты — столовая, папин кабинет и родительская спальня. Да ещё рояль! Мама мне сказала, что только такой замечательный *конструктор*, как Папа, мог втиснуть в эту комнату столько вещей.

Я чего-то не понимаю, не знаю, что сказать, и поэтому молчу. Ёлка тоже молчит и смотрит в окно. А я думаю: сейчас приедем домой и я всё у Мамы расспрошу, как это Папа взял всё и втиснул в одну комнату, если Ёлка говорит, что это три комнаты?

Думаю о дворце: это так замечательно, что мы сможем туда ходить!

И ещё я думаю о Ёлкином странном вопросе — могла бы я там жить или нет? Я очень люблю нашу квартиру — она большая и замечательная, я бы хотела жить в ней! А дворец можно было бы оставить, как свою дачу... ну так... по-нарошку.

Когда Папа был маленький, у них была *своя* дача в Мустомьяках.

Но потом она почему-то сгорела!

Папа приехал из Германии

Входит Мама и говорит торжественно: “Сюрприз!” И мы бежим в столовую. А там стол совсем к левой стенке сдвинули — на полу около рояля и Папиного стола огромная куча каких-то коробок и вещей, Папа рядом стоит и улыбается сюрпризной улыбкой. Мы все втроём бросаемся на него, он обнимает нас, а потом здоровается с Бабушкой, почему-то за руку, — потом спрощу у Мамаы.

— Мышка, ты с чего начнёшь... смотреть? — спрашивает Папа у Мамаы.

Мамаочка быстро, но внимательно осматривает кучу и показывает на вторую коробку сверху.

— Вот с этого, — говорит.

— Начинай, — кивает Папа, и улыбка у него становится такая сюрпризная, что я уже просто терпеть не могу.

— Мама, Мамаочка! — кричу я. — Открывай скорей!

Мама берёт коробку, ставит её на кресло, открывает, вынимает и говорит тихо и медленно:

— Чер-но-бур-ка!

Бабушка хлопает в ладоши, качается и говорит, по-моему, со слезами, но, может, мне кажется:

— Вавочка, милая, теперь тебе зимой будет всегда тепло!

— И красиво! — добавляет Эллочка.

Вдруг я вижу — а раньше не видела, не заметила — у самой стенки, то есть у стенового шкафа, задвинутое столом, стоит что-то большое. Я подхожу — ой, ой, ой! — это же большой, очень красивый велосипед, но немножко не похож на Папин.

— Папа! — кричу. — Почему он такой... красивый?

— Верхней перекладины нет, — смеётся Папа. — Это *дамский* велосипед!

И тут же открывает одну из коробок и говорит:

— Девочки! Вам я привёз по два нарядных платья — для зимы и для лета, немножко белья и по паре нарядных туфель. У Мартышки и Анки зимние платья одинаковые — я думаю, они вам понравятся. И ещё, — тут Папа делает загадочное лицо, — есть маленький сюрприз, но этот сюрприз на троих!

Анночка вдруг спрашивает:

— Папочка! А где он?

— Пошли в ванную! — зовет Папа. Он вынимает откуда-то небольшую коробочку — такие бывают из-под шоколадных конфет, у Мамочки есть, — берёт из кучи большую картонку и смеётся: — Пошли!

В ванной Папа часто занимается фотографией, у него есть для этого несколько деревянных досок, он кладёт их на ванну рядом — получается как стол, и на этот “стол” он кладёт картонку — ух, как темно и здорово, сейчас сюрприз будет! — и велит нам:

— Закройте глаза! — Мы закрываем глаза, что-то шуршит, и Папа говорит: — Открывайте!

Ой, ой!!! Мы обалдели все втроём! На картонке лежит очень много разных фигурок — и все они *светятся!* Мы

наклоняемся и разглядываем их: вот это кошка... вот это ягодка... какой-то человечек... жучок... а это... не может быть... я как закричу:

— Па-ро-ход!!!

— Папочка, что это? — умоляет Анночка.

— Это *брошки* вам на троих, общие, — будете носить, когда захотите, и вечером, в темноте, они будут светиться.

У Папы такой голос, хоть он немножко и притворяется, что ему всё равно, но я слышу — он ужасно радуется!

— А как же их носить? — удивляется Ёлка.

— Сзади у каждой брошки булавка, — объясняет Папа, — открываешь булавку и прикрепляешь куда хочешь.

— Девочки! — прошу я. — Можно, я немножко сейчас пароход поношу, потом вы?

— Можно, можно! — разрешает Ёлка. — А я поношу этого человечка! — Ёлка берёт человечка в руки, разглядывает и говорит торжественно: — Это матрос!

— Папочка! — просит Анночка. — Прикрепи мне, пожалуйста, вот этого жучка! — И она берёт жучка в руки. — Он очень красивый!

Папа прикрепляет слева на груди на платье Анке жучка, мне — пароход, а Ёлке — матроса. Мы смотрим друг на друга — брошки так ярко светятся в темноте! — и мы кричим “ура!”. Хохочем и опять кричим “ура!”.

Папа открывает дверь и говорит:

— Идите, пусть Мама и Бабушка посмотрят!

Вбегаем в столовую. Бабушка сидит на кресле, Мамочка рядом с ней на стуле, они обе, глядя на нас, ну... на наши брошки, сначала охают, а потом хлопают в ладоши. Входит Папа, он сдерживает улыбку, но она не сдерживается.